

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Н. Л. Пушкарёва

МАТЕРИНСТВО КАК СОЦИОБИОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ: ПСИХОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ

В статье рассмотрен феномен материнства в современных философских, социологических, психоаналитических концепциях. Рассматривая материнство как социобиологическое явление, автор подчеркивает значимость подобного рода исследований для историков при изучении общественных умонастроений, рассмотрении материнства не только как социального феномена, но и в качестве идеологемы с учетом эволюции общественного сознания и культуры.

Ключевые слова: материнство, феминизм, психоанализ, биологический детерминизм, эссенциализм, социальный конструктивизм, гендерная концепция, материнская идентичность.

В современных философских, социологических, психоаналитических концепциях материнство – одна из любимых и, можно сказать, модных тем. Однако она стала таковой сравнительно недавно, в последние три десятилетия. История смены представлений о том, как и в каком направлении следует изучать такой, казалось бы, исследованный и «естественный» для каждого феномен, как материнство, показательна: она отражает не только процесс вытеснения одних научных парадигм другими, но и «востребованность» тех или иных концепций в зависимости от изменений социального и политического контекста.

1. Господство биологического детерминизма и эссенциализма

Материнство привлекло внимание исследователей в связи со взрывом интереса к фрейдистским интерпретациям детства и психоаналитическому анализу детских переживаний. Дискуссиями об этом были отмечены 20-е годы прошлого столетия. Психоанализ дал исследователям язык¹, на котором стали общаться многие изучающие семейные отношения, однако сама мать (и, следовательно, материнство) интересовали психоаналитиков лишь постольку, постольку родившая и воспитывающая ребенка женщина находилась до поры до времени в неразрывной связи с ним. Психоаналитики довоенного времени не ставили задачи

---

¹ По поводу языка психоаналитиков, исследовавших материнство, ироничная Юлия Кристева замечала в одной из своих статей, названных «Острый вопрос», что они не продвинулись далее определения материнства через такие категории, как «недомогание, бессонница, ярость, радость, желание, страдание и счастье». См.: Kristeva J. Stabat Mater // Suleiman S. R. (ed.) The Female Body in Western Culture. Cambridge, 1986. P. 112–113.

проблематизировать две основные стадии в материнстве, кардинально различные именно с психологической точки зрения, а также с точки зрения включенности женщины в социальную жизнь: стадию вынашивания и рождения ребенка и стадию его воспитания, не заинтересовались особенностями становления матери-личности, развитием ее эмоционального мира¹. Практически вся психологическая, да и философская литература первой половины нашего столетия основывалась на принципах *биологического детерминизма*, то есть рассматривала пол (половое поведение, психологию пола и т. п.) в качестве производного от биологического строения.

Тем не менее женщины-психоаналитики 30-х гг. – А. Фрейд и Х. Дойч – первыми поставили ряд проблем, имеющих значение для понимания процессов социализации в разные исторические эпохи. Особо стоит выделить Х. Дойч с ее теорией трех стадий развития отношений между дочерью и матерью: «любовь» в раннем детстве – «ненависть» в подростковом и раннем юношеском возрасте – «привязанность» в период взрослой жизни, которая – по мнению Х. Дойч – всегда бывает гиперкомпенсацией чувства ненависти, испытанного ранее².

Западная психологическая литература послевоенного времени, а особенно 1960–1970-х гг., была отмечена попытками пересмотреть всю старую эпистемологию (теорию познания) и восполнить ряд пробелов. Неслучайно именно в это время появилась тенденция рассматривать материнство как такой аспект в частной жизни женщины, который не обязательно превалировал, но мог быть равнозначным с другими ее сферами (дружбой, влюбленностью и любовью, переживанием одиночества и т. д.)³.

Весьма существенным поворотом в психологических толкованиях феномена материнства стало изучение периода родов как лиминального (переломного и «травматического») в женской психике, психологические исследования менструирующих женщин как переживающих «ложные роды», а также сопоставительный анализ душевного состояния некормивших женщин, кормящих матерей и женщин, помнящих свои ощущения в период лактации⁴. Те же годы были отмечены пристальным вниманием не только к материнско-сыновым (окрашенным, по Фрейду, эдиповым комплексом), но и к материнско-дочерним отношениям, особенно ранним, которые принято относить к так называемым «доэдипальным», предваряющим развитие эдипова комплекса у детей⁵. Концептуально новыми

---

¹ Самая резкая критика психоаналитической концепции материнства изложена Моникой Плаза: Plaza M. *The Mother / The Same. Hatred of the Mother in Psychoanalysis // Feminist Issues*. 1982. Spring. №. 2. P. 75–100; см. также: Ruddick S. *Maternal Thinking: Toward a Politics of Peace*. Boston, 1989.

² Deutsch H. *Psychologie der Frau*. Bd. 1. Eschborn, 1944. S. 321.

³ Обзор психологической литературы 1960–1980-х гг. см.: Boulton M. G. *On Being Mother: A Study of Women With Pre-School Children*. L., 1983. P. 3–18.

⁴ Newton M., Newton N. *Psychologic Aspects of Lactation // Bardwick J. M. (ed.) Readings on the Psychology of Women*. New Jersey, 1972. P. 277–284; Oakley A. *Becoming a Mother*. Oxford, 1979 и др. См. подробнее обзор работ по этой теме: Chodorow N. *The Reproduction of Mothering. Psychoanalysis and Sociology of Gender*. Berkley-LA., 1978. P. 222 (сноски 7–8).

⁵ Подробнее о доэдипальном периоде и отношениях дочери и матери см.: Hirsh M. *The Mother / Daughter Plot: Narrative, Psychoanalysis, Feminism*. Bloomington, 1989; Rohde-Dachser C. *Expedition in den dunklen Kontinent: Weiblichkeit im Diskurs der Psychoanalyse*. B.-Heidelberg; N. Y., 1991.

в среде психологов были признаны также работы ряда американских социологов (М. М. Джонсон, Л. Р. Форсей, Л. Блам): все они концентрировали внимание на динамике эволюции отношений в «неразрывной паре» («диаде», «фрейме») *мать-и-дитя* с точки зрения конструирования образа «сильной матери», влияния этого образа на направление и особенности социализации ребенка, на социальную группу и, в конечном счете, на общество в целом¹.

Общим базисом буквально всех западных психоаналитических концепций (в России негласный запрет на поиск позитивного в трудах З. Фрейда вообще практически исключил теоретические поиски в этом направлении) был биологический детерминизм, который феминистские философы назвали позже эссенциализмом (от англ. *essential* – неперенный, обязательно существующий): все толкователи материнства и проблем пола вообще разделяли тогда представление об имманентности деления всего живого на два пола (как в библейском мифе о Ноевом ковчеге) и имманентной же связанности проблем материнства с проблемами женской (и прежде всего женской!) психики, системы ценностей, повседневной жизни и т. п.². Особенно это чувствовалось в работах, написанных мужчинами о женщинах и «женскости» проблемы материнства³.

60–70-е годы были отмечены, в частности, сравнительно широким научным обсуждением вопроса об извечности и безусловной присущности женщинам «материнского инстинкта». Среди участников дискуссий были авторы, убежденные, что пресловутый «инстинкт» в той или иной форме реализуется и проявляется и у нерожавших, бездетных и т. п. женщин, оказавшись обращенным на так называемых «иных близких» (не детей)⁴. Иные специалисты основывались на функционалистских и рационалистских посылах («женщина острее чувствует необходимость продолжения рода и защиты потомства», «она искони более ориентирована на ответственность и на одного партнера-отца ребенка, а мужчина –

---

¹ Johnson M. M. Strong Mothers – Weak Wives. Berkeley-LA, 1988; Forcey L. R. Mothers of Sons: Toward an Understanding of Responsibility. N. Y., 1987; Blum L. Mothers, Babies, Breastfeeding. The Shifting Context of Feminist Theory // Feminist Studies. 1993. V. 19 (Spring).

² См., например: Benedek T. Psychoanalytic Implications of the Primary Unit, Mother-Child // American Journal of Orthopsychiatry. 1949. V. 19. № 4. P. 642–654; Benedek T. Psycho biological Aspekts of Mothering // American Journal of Orthop sychiatry. 1956. V. 26. P. 272–278; Kestenber J. On the Development of the Maternal Feelings in Early Childhood: Observation and Reflections // Psychoanalytic Study of the Child. 1956. V. 11. P. 257–291; Balint A. Love for Mother and Mother Love // Balint M. (ed.) Primary Love and Psycho-Analytic Technique. New York, 1965. P. 91–108; Birlingham D. Empath Between Infant and Mother // Journal of American Psychoanaliti Association. 1967. V. 15. P. 764–780; Deutch H. The Psychology of Woman in Relation to the Functions of Reproduction // Fliess R. (ed.) The Psychoanalytic Reader: an Anthology of Essential Papers with Critical Introductions. N. Y., 1969. P. 165–179; Hammer S. Daughters and Mothers, Mothers and Daughters. N. Y., 1975 etc.

³ Polatnick M. Why Men Don't Rear Children: A Power Analysis // Berkley Journal of Sociology / 1973. V. 18. P. 45–86.

⁴ Benedek T. Parenthood as a Developmental Phase: A Contribution for the Libido-Theory // Jouranal of the American Psychoanalytic Association. 1959. V. 7. № 3. P. 394; Balint M. Contribution to the Symposium on the Theory of the Parent-Infant Relationship // Balint M. (ed.) Primary Love and Psychoanalytic Technique. L., 1961. P. 147 etc. Критику идеи о наличии психологического субстрата в поведении женщины-будущей матери см.: D'Andrade R. Sex Differences and Cultural Institutions // Maccoby E. E. (ed.) The Development of Sex Differences. Stanford, 1966. P. 173–204.

на пребывание «вне дома», на смену партнерш» и т. д.)¹. Третьих же, находившихся в поиске некоего «биологического субстрата материнского поведения», заносило в этих исканиях в области, весьма далекие от социальных (скажем, психоаналитик Ю. Кестенберг пыталась доказать высокую степень корреляции между сексуальной удовлетворенностью женщины своим партнером и ее способностью быть хорошей матерью²). Были даже попытки доказать, что материнский инстинкт закладывается на «хромосомном уровне», когда в утробе женщины формируется именно девочка – потенциальная мать³.

Разумеется, в биологическом детерминизме (не доведенном, конечно, до абсурда, а в концепции как таковой) можно найти основы многих современных теорий и базирующихся на них путей выхода из тех или иных кризисных ситуаций. Биологические детерминисты – и были, и остаются, как правило, – жесткими традиционалистами. Поэтому именно они стали авторами и горячими сторонниками так называемой «алармистской» (от франц. *alarme* – тревога) концепции семьи, первыми среди социологов заговорили об утрате важнейших ценностей, цементирующих семейные отношения и призвали заняться направленным сохранением всего достойного и значимого в семейных традициях и обычаях предков. Те из традиций, которые связаны с материнством, принадлежали, с их точки зрения, к первому ряду, то есть были приоритетными и самыми значимыми⁴.

2. Марксистско-феминистское направление 1970–1980-х годов

Изложенные выше взгляды сторонников психоаналитических и просто психологических концепций не исчерпывали многообразия подходов и толкований материнства в разные исторические периоды. Теоретические подходы М. Вебера, Х. Спенсера и в особенности К. Маркса к изложению истории еще были очень и очень популярны, а марксистская парадигма в целом еще не была дискредитирована политическими событиями. Поэтому в западной социологической литературе 70–80-х годов появлялись нередко весьма серьезные по детальности разработки и марксистские по духу интерпретации социально-экономических аспектов материнства.

Поскольку для марксистов одним из важнейших вопросов всегда оставался вопрос о разделении труда, постольку феминистки марксистской ориентации подчеркивали значимость материнской функции именно в этом аспекте, ставшей – по их мнению – одной из основ социального неравенства (Х. Хартмэнд, Э. Фергассон и др.). Любопытно, что именно феминистки-этнологи марксистской ориентации, интересовавшиеся ходом процесса разделения труда, первыми отметили

---

¹ *Newton N. Maternal Emotions: a Study of Women's Feelings, Hregnancy, Childbirth, Breast Feeding, Infant Care and Other Aspects of Their Femininity. New York, 1955.*

² *Kestenberg J. S. On the Development of Maternal Feelings in Early Childhood: Observations and Reflections // Psychoanalytic Study of the Child. 1956. V. 11. P. 289.* Ср. аналогичную точку зрения в работе: *Newton N. Interrelationships Between Sexual Responsiveness, Birth, and Breast Feeding // Zubin J. (ed.) Contemoirary Sexual Behavior. Baltimore, 1973.*

³ См., например, одну из подобных концепций биогенетиков: *Ehrhardt A. Maternalism im Fetal Hormonal and Related Syndromes // Zubin J. and others. Contemporary Sexual Behaviour: Critical Issues in the 1970's. Baltimore, 1973.*

⁴ См. об алармистской концепции семьи: Здравомыслова О., Арутюнян М. Российская семья на европейском фоне. По материалам международного социологического исследования. М., 1998. С. 4.

факт особенного участия в «вынянчивании» малышей не столько их биологических матерей, сколько детей, подростков и стариков в семьях и общинах¹. Однако эти исследователи ограничились констатацией данного явления и не развили его до критики якобы от века существующего «природного предназначения» женщины. Напротив (и парадоксально), они выводили свои заключения из тезиса о «доисторическом» (существовавшем в первобытных обществах) разделении труда², при котором мужчины охотились, а женщины занимались детьми.

Не скрывавшие своих марксистские пристрастий, эти исследователи говорили и о другом – прежде всего, о неоплаченном (и следовательно, социально неравном) женском труде в семье, «который редкий из экономистов соглашается считать трудом производительным»³. Именно в семье – вслед за Ф. Энгельсом – они искали истоки социального угнетения, именно семью считали «главным посредником» в создании неравноправного статуса женщины. Таким образом, марксистско-феминистские исследования закрыли те «белые пятна» в философском толковании и истории материнства, проанализировали такие его стороны, которые постоянно ускользали от внимания, например, психологов-теоретиков иной политической ориентации.

Несмотря на «революционный подтекст», то есть стремление доказать сомневающимся необходимость перемен социального статуса женщины, марксистская концепция материнства была сверхэссенциалистской: материнство рассматривалось в ней как социально, психологически и биологически предопределенная «природная функция» женщины, без которой невозможно воспроизводство индивидов. Но как воспроизводились стереотипы феминности, что они собой представляли и какое место занимали в них представления о содержании материнства – такие вопросы марксистами и их сторонниками не ставились. «В самом акте материнства женщине навязываются существующие ценности. Рационалисты-марксисты всегда (хотя и тщетно) пытались пренебречь этим драматическим аспектом истории полов», – так резюмировала положение классик феминизма ХХ в. Симона де Бовуар⁴.

3. Структурализм 60-х гг.: новые представления о материнстве как социальном конструкте и их осмысление феминистками

Главнейшим достижением западной философии и социологии 60-х гг., позволившими «оторваться» от биологического детерминизма начала века, были

---

¹ Подробнее см.: *Lankaster J. B. Sex Roles in Primate Societies // Teitelbaum M. S. Sex Differences. N. Y., 1976. P. 47.*

² Этот тезис попал и в работы социологов отнюдь не марксистской ориентации, разделявших, однако, эссенциалистские взгляды: «Sexual division of labor – because it was been essential (выделено мною – *Н. П.*) – has become buildt into human physiology...» (*Rossi A. A Biosocial Perspective on Parenting // Daedalus. 1977. V. 106. № 2. P. 3.*)

³ *Hartman H. Capitalism, Patriarchy, and Job Segregation by Sex // Signs. 1976. V. 1(3). P. 2. P. 137–169.* С марксистской концепцией «неоплаченного труда» как постоянной составляющей труда вообще (в данном случае таким трудом виделся материнский труд) оказались согласны многие феминистки. См.: *Oakley A. The Sociology of Housework. Oxford, 1974; Ruddick S. Maternal Thinking: Toward a Politics of Peace. Boston, 1989; Fergusson A. Blood at the Root: Motherhood, Sexuality and Male Dominance. London, 1989.*

⁴ *Beauvoir S. de. The Second Sex. London, 1953. P. 84.*

теории социального детерминизма и социального конструирования К. Мангейма, П. Бергера и Т. Лукмана¹. Их основной тезис сводится к тому, что окружающий нас мир скорее (и в большей степени) «сконструирован» людьми, нежели предопределен природой. Господствующий в послевоенной американской социологии 1960-х годов структурно-функциональный анализ Т. Парсонса позволил представить общество как жесткую конструкцию, в которой женщина считалась ответственной за экспрессивную функцию, а мужчина – за инструментальную². Легко догадаться, что этот постулат не соответствовал знаниям и опыту женщин. Однако феминистки многое позаимствовали из самой концепции «социального конструирования» и немало преуспели в развитии парсоновских идей.

Знаменитый тезис Симоны де Бовуар «Женщиной не рождаются, женщиной становятся», высказанный в прошлом столетии, стал символом веры социального конструктивизма в феминистской философии. Статус женщины и кажущееся естественным различие между мужским и женским, заявили «социальные конструкторы», не имеет биологического происхождения. Он – лишь способ интерпретации биологического, закрепленный писанными и неписанными законами общества³.

К числу разнообразных публикаций, связанных с философскими аспектами феномена материнства и основанных на этих новых «конструктивистских» веяниях, должны быть причислены в первую очередь работы американских социологов и философов. Их место и значимость в общей «эпистемологии материнства» в том, что они были созданы женщинами (и, как правило, матерями!) – учеными. Это значит, что их авторы обладали раздвоенным самосознанием (идентичностью), с возможностью ощутить и осмыслить соответствие или несоответствие их конкретного опыта и абстрактной научной деятельности. Кроме того, как неизменно подчеркивают феминистки, как «знание угнетенного всегда глубже и точнее знания угнетающего», так и исследования материнства, написанные женщинами-матерями априори являются более репрезентативными⁴. По мнению одной из американских философов-феминисток, Дж. Флэкс, рациональный ум мужчины не в состоянии понять опыт женщин, связанный с детьми. Он познается, писала она, только «через включение эмоционального опыта – опыта отношений заботы, сострадания», а у большинства мужчин-исследователей «он [якобы! – Н. П.] недостаточен»⁵.

---

¹ Русские переводы основополагающих работ западных социологов вышли лишь двадцать пять лет спустя: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995; Мангейм К. Идеология и утопия. М., 1994.

² Parsons, T. and R. F. Bales. Family, Socialization and Interaction Process. New York: Free Press, 1965.

³ Tuttle, Lisa. Encyclopedia of Feminism. Arrow Books, 1986. P. 305.

⁴ Hartsock N. The Feminist Standpoint: Developing the Ground for a Specifically Feminist Historical Materialism // Harding S. (ed.). Feminism and Methodology. Ann Arbor, 1987. P. 157–181.

⁵ Flax J. Political Philosophy and the Patriarchal Unconscious: A psychoanalytic Perspective on Epistemology and Metaphysics // Harding S., Hintikka M. (eds.). Discovering Reality: Feminist Perspectives on Epistemology, Metaphysics, Methodology and Philosophy of Science. Dordrecht, 1983).

Едва ли не самое известное из исследований, написанных с позиций социального конструктивизма принадлежит перу Андриенны Рич¹. Ее книга «Рожденная женщиной» с подзаголовком «Материнство как опыт и социальный институт» произвела настоящий переворот в научной литературе середины 1970-х гг., поскольку была яркой попыткой свободного соединения философии и выписок из статистических и литературных источников, личных переживаний, свидетельств «референтных групп», коими выступали подруги и приятельницы автора книги. Целью подобного соединения был разносторонний анализ материнства как *социального* феномена. Феминистская позиция А. Рич нашла явственное выражение в выводах ее исследования: в отличие от биологических детерминистов, искавших тесные связи между потенциальным материнством и сексуальностью, А. Рич поставила во главу угла детерминизм общественный. Характер материнства, содержательность отношений родительницы и ребенка определялись во все времена, полагала А. Рич, не некой «женской природой» или «женским предназначением», а сложно конструируемыми общественными ожиданиями. Поэтому в книге А. Рич явственно звучал протест против социального подчинения женщины, осуществляемого через законодательное ограничение женского права на аборт², через монополизм мужских взглядов в научном мире (в том числе в гинекологическом). А. Рич уверенно доказывала, что принцип равных прав еще не означает равенства возможностей и показывала, как «тают» перспективы самореализации женщин в бизнесе, науке, государственной деятельности из-за необходимости нести основное бремя воспитания детей в семье (к ним А. Рич относила и пропаганду образа неработающей многодетной матери).

Современницей и соотечественницей А. Рич – другой известнейшей феминисткой, Нэнси Чодоров – также был написан ряд трудов по философии и социологии материнства³. В ставшей (за 20 лет) классической книге Н. Чодоров «Воспроизведение материнства»⁴ было убедительно доказано, что содержание тех или иных отношений между матерью и ребенком, как и самооценка матерью собственных действий, формируются за счет «внешнего мира» в куда большей степени, чем за счет заложенного биологически или психологически, хотя само материнство, полагала Н. Чодоров, – явление биосоциальное. Если З. Фрейд полагал, что «анатомия – это судьба», что пол человека – производное от его анатомического строения, то Н. Чодоров и феминистки конца столетия (откликнувшиеся в известном смысле на достижения медицины в области транссексуализма и на социальную легализацию трансвестизма) отвергли эту «очевидность».

---

¹ Rich A. *Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution*. N. Y., 1976; Lerner G. *Motherhood in Historical Perspective* // *Journal of Family History*. 1978. V. 3. P. 297–301.

² Одновременно с книгой А. Рич вышло исследование Л. Гордон, в котором история контроля над рождаемостью тоже – впервые в мировой историографии – была проанализирована с позиции ущемления прав женщины. Можно предположить, что идея эта буквально витала тогда в феминистских кругах. См.: Gordon L. *Woman's Body, Woman's Right*. N. Y., 1976.

³ См., например: Chodorow N. *Family Structure and Feminine Personality* // Rosaldo M. Z., Lamphere L. (eds.) *Woman, Culture and Society*. Stanford, 1974; idem. *The Reproduction of Mothering. Psychoanalysis and Sociology of Gender*. Berkley-LA., 1978.

⁴ Chodorow N. *Reproducing of Mothering. Psychoanalysis and the Sociology of Gender*. Berkley-LA-London, 1978.

Пол, подчеркивала Н. Чодоров, – это, действительно, биологическая данность, константа, но все с ним связанное – это приписанный (аскриптивный) статус. Таким образом, социальные проявления половой принадлежности выступали в ее исследовании как *достижимые*, конструируемые психологическими, культурными и социальными средствами. Досконально проанализировав современную психоаналитическую, медицинскую и, разумеется, философскую и социологическую литературу, Н. Чодоров отвергла саму мысль о существовании какого-то «материнского инстинкта» и попыталась показать механизмы репродукции привычек и стереотипов сознания, касающихся матерей и материнства, в семье нуклеарного типа. Она вступила в полемику с одной из своих коллег – Джулиэт Митчел (автором книги «Психоанализ и феминизм»)¹, доказывая, что материнско-детские отношения социальны от начала и до конца, что в них нет никаких «предсоциальных» элементов, как нет никакой «асимметрии» в базисе отношений мать/дитя и отец/дитя (Дж. Митчел склонялась-таки, что первоначально мать для ребенка является чем-то «досоциальным», отец – с самого начала олицетворяет и репрезентирует общество и культуру). Но «женщины становятся матерями, потому что их воспитывают матери в этом направлении, а мужчины – воспитанные также матерями – чаще всего теряют или сильно уменьшают (редуцируют) свою родительскую функцию, потому что в этом заинтересовано общество», – заключала Н. Чодоров².

Таким образом, материнство в концепции социальных конструктивистов предстало как биосоциальный феномен, в котором социальная часть – безусловно – сильнее биологической³. Благодаря такому подходу в определении понятия «материнство» появилось важное добавление. Если биологические детерминисты и традиционная наука, говоря о материнстве, имели в виду лишь отношения матери и рожденного (или воспитываемого) ею ребенка, то в 70-е годы под определение «материнских» попали и «идеологически оформленные чувства или моральное отношение женщины к другому человеку или целому миру»⁴.

Проблемное поле «материнства», таким образом, необычайно расширилось. Не удивительно, что в 80-е годы (по крайней мере в современной германской феминистской философии) были отмечены своеобразным «ренессансом» бахофеновских теорий столетней давности (о матриархате и скрытых формах власти женщин)⁵.

4. Материнство и гендерная концепция

---

¹ *Mitchel J. Psychoanalysis and Feminism*. N. Y., 1974.

² *Chodorow N.* Op. cit. P. 211.

³ *Rossi A.* A Biosocial Perspective on Parenting // *Daedalus*. 1977. V. 106. N 2. P. 1–31.

⁴ Одно из ранних определений такого рода см.: *Wahrig G.* Mutterlichkeit // *Deutsches Woerterbuch*. Guterloh-B., 1972. Развернутую полемику по поводу расширительного толкования термина «материнство» см.: *Kliewer A.* Geistesfrucht und Liebesfrucht. Bamberg, 1993. S. 3–4.

⁵ *Distler S.* Muetter, Amazonen und dreifaeltige Goettinnen. Eine psychologische Analyse des feministischen Matriarchatmythos. Wien, 1989. Феминистские увлечения Бахофеном резко критиковались мужчинами-философами: *Wesel U.* Der Mythos vom Matriarchat. Uber Bachofens Mutterrecht und die Stellung von Frauen in fruhen Gesellschaften. Frankfurt, 1980; *Zinser H.* Der Mythos vom Mutterrecht / Frankfurt-B. – Wien, 1981.

Новый подход к оценке материнства и вообще в отношении к полу означал приверженность Н. Чодоров и ее коллег концепции социального конструктивизма, которая – как мы видим – дополнила и развила гипотезы социальных детерминистов. С каждой новой публикацией «социальные конструктивисты» все более решительно доказывали, что всегда и везде мир вокруг индивида «конструировался» не природой, а людьми, которые и моделировали соответствующие своей эпохе, религии и культуре отношения, в том числе и половые, и материнские. Конечным продуктом размышлений социальных конструктивисток стала созданная ими новая теория социополовых отношений. Ее именуют гендерной, поскольку ее базовым понятием является понятие, введенное психоаналитиком Р. Столлером еще в начале 60-х, – понятие *гендера* (Р. Столлер разумел под ним «пол в социальном контексте»)¹. Ныне термин «гендер» понимается, как известно, расширенно – как система межличностного взаимодействия, посредством которого создается, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как базовых категориях социального порядка². Едва ли не ведущая роль в становлении гендерной концепции принадлежала американской феминистке Гейл Рабин³, чьи исследования по «политической экономии пола» стали теоретической опорой для целого поколения социологов, философов, психологов и историков⁴.

Уже в своих ранних работах Г. Рабин подчеркивала, что гендерная система – это не только «социальный и сексуальный аспект отношений между партнерами», но и «особость отношений брачных партнеров/супругов к детям», это «концепции материнства, детства и, так сказать, результат их бытования, социальный продукт» со всеми его уверенностями и предубеждениями⁵.

Сторонники гендерной концепции исключили толкование материнства как биологического феномена, поставили знак вопроса рядом с определением «био-социальный» и призвали всех своих сторонников доказать на конкретных фактах, что материнство – как, между прочим, и отцовство – феномен *только и безусловно социальный* (в этом смысле все гендеристки – социальные конструктивистки, но, разумеется, не всякий социальный конструктивист является гендеристом).

---

¹ Подробнее о том, почему и как феминистки воспользовались этим психоаналитическим термином см.: *Haraway D. Geschlecht, Gender, Genre. Sexualpolitik eines Wortes // Hauser K. (ed.) Viele Orte. Uberall? Feminismus in Bewegung. Festschrift fur F. Haug. B. – Hamburg, 1987. S. 22–42.*

² *Уэст К. и Циммерман Д. Создание гендера // Труды СПбФ ИС РАН. Гендерные Тетради. Вып. первый, СПб., 1997. С. 97–99.*

³ *Rabin G. The Traffic in Women: Nites on the Political Economy of Sex // Reiter R. (ed.) Toward an Anthropology of Women. N. Y., 1975. P. 157–210.* Подробнее о теории социального конструирования гендера см.: *Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. Сб. статей под ред. Е. А. Здравомысловой и А. А. Темкиной. СПб., 1996. С. 5–13; Пушкарёва Н. Л. Гендерный подход в исторических исследованиях // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 8–24.*

⁴ См., например: *Riley D. “Am I That Name?” Feminism and the Cathegory of ‘Women’ in History. Minneapolis, 1994.*

⁵ *Rabin G. The Traffic in Women: Nites on the Political Economy of Sex // Reiter R. (ed.) Toward an Anthropology of Women. N. Y., 1975. P. 165–166.*

По словам Юлии Кристевой – выдающегося и признанного современного философа, корифея современного западного феминизма – материнство – это как раз и есть то «начало (threshold), в котором наиболее явственно столкновение Природы и Культуры, столкновение, переходящее в конфронтацию»¹. Это «столкновение» проявило себя, по мнению феминистских историков, довольно рано. Например, Д. Райли полагала, что начало этого процесса совпало с «превращением биологических особей женского пола (biological females) в женщин» в социальном смысле этого слова, то есть осознающих свою гендерную идентичность, что произошло, по ее мнению, не ранее конца XVII столетия².

Исследование материнства, как и любое феминистское исследование, подчеркивали сторонницы данного направления, должно быть *гендерно чувствительным*. Под этим они разумели, что процесс исследования должен быть рефлексивным, и изучению должны подвергаться не только предметы исследования, но и его (авторов) представления и предпочтения, то есть те «линзы», через которые он/она смотрят на мир, на объект своей научной работы, ведь культурные установки и верования сильно влияют на ее результаты. Следовательно, задача «историка материнства» – с точки зрения гендеристок – это реконструкция множества историй, которые рассказывают или рассказывали женщины о своем материнском опыте и соотносении его со своим³ [*тут не совсем ясно, как избежать превращения исследования в «картотеку» описаний персональных опытов и практик? – Н. П.*].

Вклад феминистских исследователей в изучение темы материнства несомненен. Именно они провозгласили «гендерно-чувствительную» рефлексивную практику обязательной составляющей любого исследования⁴. В этом их теоретическая ценность, в том числе и при анализе родительства. Можно, однако, выделить и практический аспект. Именно гендеристки (а до них – ученые феминистской ориентации) первыми обратили внимание на угасание желаний проявлять материнские чувства, если женщина не получила соответствующей «установки» в детстве; именно феминистки – стремясь к пресловутому «равенству возможностей» – стали призывать «воспитывать отцовство» так же, как из века в век «воспитывается материнство» (когда девочку с юных лет готовят быть матерью и гово-

---

¹ Kristeva J. The Maternal Body // *Freiburger*. 1979. № 2. S. 79–84 (перепечатано: 1981. NF. 5–6. P. 159–164). Стоит, однако, учитывать, что позиция Кристевой – жестко феминистская. По ее мнению, любая женщина *всегда* находится в явной или латентной оппозиции обществу как неизменно «маргинальная личность» (ибо всякое современное общество андро- и фаллоцентрично). См.: Kristeva J. Produktivität der Frau // *Alternative*. 1976. V. 108/109. S. 166–173.

² См., например: Riley D. Am I That Name?.. P. 18–44. Специальному исследованию концепций материнства была посвящена сравнительно ранняя работа этой исследовательницы, показавшей – в известном смысле в марксистском духе – повседневность и материнство в среде работающих женщин: Riley D. *War in the Nursery: Theories of the Child and Mother*. L., 1983.

³ Stanley L., Wise S. *Breaking Out*. London, 1983. P. 145–158. Для ищущих истину главная проблема этой позиции – относительность всех выводов (релятивизм). Если согласиться с тем, что исследователь должен быть осмыслителем своих собственных позиций, то остается неясным, как же определять силу и значимость рефлексии.

⁴ Harding S. Introduction. Is there a Feminist Method? // Harding S. (ed). *Feminism and Methodology*. Milton Keynes, 1987. P. 1–14.

рят, что она *должна* стать ею)¹. Поскольку этот призыв двадцатилетней давности был услышан в ряде западных стран, успешность новой семейной политики дает сейчас о себе знать в Германии, Голландии, США, где проявляется тенденция к «новому отцовству», где именно отцы (не меньше, чем матери) гуляют с детьми, кормят их и занимаются с ними. Социальный конструктивизм принят теоретиками, разрабатывающими проблемы гомосексуальности. В гомосексуальных семьях, где взяты на воспитание или имеются дети одного из партнеров, может и не быть жесткого определения, *кто* должен заниматься детьми. Это делают оба «супруга», подтверждая самой практикой, что материнство – не базовый инстинкт, а социально конструируемая переменная.

5. *Новые психоаналитические концепции и социальные теории как инструменты деконструкции материнства – социального феномена*

Практически одновременно с появлением гендерной теории в европейской психологии возникло особое направление, объединившее тех, кто проявлял особый интерес к ранним стадиям материнско-детского общения (до достижения ребенком возраста одного года и даже в пренатальном периоде)², а также пытался увязать проблему «материнского *itago*», возникшего в этом раннем детстве, с особенностями психологического склада человека в зрелом возрасте. В известном смысле они развивали концепцию Ж. Пиаже об определяющем значении опыта маленького человека, чья ранняя фаза образного мышления не отделяет фантазию и реальность, мысль и действие, воображаемый *itago* матери и мать как таковую³.

Среди наиболее важных концепций стоит упомянуть теорию М. Кляйн, продолжившей размышления Х. Дойч о трех стадиях отношений «мать»/«дитя» и сосредоточившейся на идее бесконечности борьбы «добра» и «зла», «положительного» и «отрицательного» в образе матери на протяжении всей жизни человека, даже когда он вырастает и становится способным «к действительно объектным отношениям, строящимся на сопереживании и взаимности»⁴.

В ином свете предстали отношения матери и ребенка и, следовательно, идея материнства в работах французского психоаналитика Ж. Шасге-Смиржель. Если М. Кляйн расщепляла образ матери на «добро» и «зло», на «ведьму» и «фею», на могущую накормить и защитить и олицетворяющую право на лишение еды и защиты, то французская исследовательница педалировала идею именно всесильности матери по сравнению с ребенком, то есть сосредоточилась на этой травмирующей психику человека материнской функции⁵. Согласно Ж. Шасге-Смиржель,

¹ Bernard J. The Future of Motherhood. N. Y., 1974.

² Идеи, созвучные размышлениям западных психологов, попали – несмотря на все препятствия и в работы отечественных исследователей. См., например.: Корницкая С. В. Влияние содержания общения со взрослыми на отношение к нему ребенка: дис. ... канд. псих. наук. М., 1975; Мазитова Г. Х. Развитие дифференциальных отношений с окружающими взрослыми у младенцев: дис. ... канд. псих. наук. М., 1977 и др.

³ Piage J. La formation du symbole chez l'enfant.

⁴ Klein M. Das Seelenleben des kleinen Kindes und andere Beiträge zur Psychoanalyse. Reineck, 1972. S. 144–173.

⁵ Chasseguet-Smirgel J. Psychoanalyse der weiblichen Sexualität. Frankfurt am Main, 1974; ibidem. Zwei Bäume im Garten: Zur psychischen Bedeutung der Vater- und Mutterbilder. München-Wien, 1989. S. 1–26.

любой ребенок переживал хоть раз в детстве ощущение бессилия перед матерью, и эта травма, оставив в душе «нарциссическую рану» (термин Б. Грунберга¹), настолько глубока, что вся последующая жизнь (и мужчины, и женщины) – это лишь стремление избежать зависимости, фрустрации и бессилия, пережитых в детстве. Немецкий философ Д. Диннерштейн, оттолкнувшись от данной гипотезы Ж. Шасге-Смиржель, выстроила целое исследование о механизмах воспроизводства патриархатной власти²: с ее точки зрения, постоянное бегство от власти матери, от переживаний, испытанных в детстве, ведут к бессознательному предпочтению «господства отца», так как большинство или даже все (независимо от пола) предпочитают его образ угрожающему *imago* «всевластной матери». Именно поэтому и часть женщин, движимых страхом перед женской конкуренцией, как полагала Д. Диннерштейн, всегда будет предпочитать старый, патриархатный порядок эвентуальному новому, построенному в согласии с феминистскими требованиями³.

Продолжив размышления своих коллег и задавшись целью определить их значимость не только для психологии и психоанализа, но и для социальных наук в целом, соотечественница Д. Диннерштейн – К. Роде-Дахсер попыталась доказать, что социальная ситуация, при которой наблюдается рост числа семей, в которых воспитанием ребенка занимаются лишь матери, может породить накопление и рост агрессивности по отношению к женщинам, так как подобные идеи способны «активизировать (у отдельных индивидов и в обществе в целом) представление о матери, которая господствует во всех областях»⁴. И хотя происходит подобное помимо воли женщины-матери, общество реагирует на существование самостоятельных и успешных матерей-одиночек иногда – «страхом» (М. Л. Мёллер), а иногда – «даже яростью» (З. Тёммель)⁵.

Размышляя над особенностями современного общества, в котором остается все меньше областей, позволяющих пережить чувство сопричастности и общности, и западные, и восточные ученые (например, японский исследователь Ч. Дои) пытаются увязать эти процессы с обесценкой значимости и даже с отсутствием порой самого факта единства матери с ребенком во время грудного вскармливания. Тем самым оживляя эссенциалистские и биодетерминистские концепции, Ч. Дои, М. Е. Игл и ряд сочувствующих им психоаналитиков пытаются через идеализацию раннего слияния ребенка с матерью прописать рецепт спасения

---

¹ Б. Грунбергер – французский психоаналитик, который развил теорию Ж. Шасге-Смиржель до признания большей силы и влияния «отрицательного» над «положительным» в образе матери. См.: *Grunberger B. Narziss und Anubis. Die doppelte Ur-Imago // Grunberger G. Narziss und Anubis. Die Psychoanalyse jenseits der Triebtheorie. Bd. 2. München-Wien, 1988. S. 72–91.*

² *Dinnerstein D. Das Arrangement der Geschlechter. Stuttgart, 1979.*

³ Подробнее об этом см.: *Hagemann-White C. Frauenbewegung und Psychoanalyse. Basel-Frankfurt am Main, 1986. S. 68–69.*

⁴ *Rohde-Dachser C. Das Mutterbild in der Psychoanalyse // Schuchard M. (ed.) Mutterbilder – Ansichtssache. Beiträge aus sozialwissenschaftlicher, psychoanalytischer, literaturwissenschaftlicher und medizinischer Perspektive. Heidelberg, 1997. S. 49–65.*

⁵ *Möller M. L. Die Liebe ist das Kind der Freiheit. Reinbeck, 1986; Tömmel S. E. Oedipus oder Prometheus – soziopsychanalytische Ueberlegungen zur “vaterlosen Gesellschaft” // Luzifer-Amor. 1988. № 1. S. 88–122.*

современного общества от индивидуализма, отчужденности, дистанцированности и формальности отношений¹.

б. Материнство в постмодернистских и постструктуралистских концепциях

До поры до времени все эти психологические и психоаналитические концепции развивались как бы в «параллельном режиме» с развитием социологических, философских и исторических теорий. Водоразделом оказалось начало 80-х годов, когда интерес специалистов по женской истории обратился к теориям и концепциям сопредельных гуманитарных наук. До указанного времени в среде «историков женщин» были весьма популярны марксистская и феминистские концепции, но в начале 80-х гипотеза о «двух отделенных социальных сферах» (и, следовательно, о раздельном и как бы параллельном существовании «мужской» и «женской» истории) буквально разбилась о вышеописанную гендерную концепцию².

Катализатором процесса взаимопроникновения и взаимообогащения социальных и психологических теорий стали постструктуралистские и постмодернистские концепции³. Благодаря постмодернистским и постструктуралистским размышлениям над «женской историей» как над «другой историей»⁴, причем не альтернативной, не противопоставляющей себя мужской, а именно «одной из иных», «одной из историй», неожиданно выяснилось, что практически любая из современных концепций гуманитарного знания релевантна (то есть уместна, подходяща) «женской теме». Феминистки безоговорочно приняли постмодернизм, потому что он отрицал всякий «центризм», любое соподчинение – а для феминисток отрицание «мужского господства» («фаллоцентризма») было и остается первейшей, основополагающей идеей, можно сказать, – краеугольным камнем.

Однако модернистские и неопрейдистские, психологические и структуралистские концепции были основаны – так или иначе – на рационализме, то есть способствовали (как во всяком случае полагали многие авторы) решению наиболее острых проблем сегодняшнего дня. Эстетика же постмодернизма и постструктурализма была воздвигнута на отказе от чистого рационализма и функционализма. «Синтез традиционных искусств» (концепций, гипотез, парадигм) был достигнут не ради *решения*, а ради *описания и объяснения* (причем не претендующего

¹ Eagle M. E. Neuere Etnwicklungen in der Psychoanalyse: eine kritische Würdigung. München-Wien, 1988. О концепции Ч. Дой см.: Rohde-Dachser C. Zurück zu den Mutter? Psychoanalyse in der Auseinandersetzung mit Weiblichkeit und Macht // Forum für Psychoanalyse. 1989. № 5. S. 19–34.

² О переходе от парадигмы «separate spheres» к гендерной парадигме подробнее см.: Пушкарёва Н. Л. «Говорящий пол» (еще раз о гендерной методологии в исторических науках) // Гендер-лэнд. 1998. № 3(7). С. 42–45.

³ Постмодернизм и постструктурализм 80-х годов был как бы 3-й «волной», третьим поколением философов, ощущавших – по отношению к старым концепциям и парадигмам – свою новизну. Первая «волна» – это романтизм начала XIX в. (он был «постмодернизмом» по отношению к модернизму того времени – классицизму, который – в свою очередь – был модерном в отношении романтизма и сентиментализма); вторая волна – модернизм начала XX в. (как ответ на реализм), третья – постмодернизм конца XX в. (как ответ на тоталитарное искусство и философию, контркультуру 60-х гг. и на структуралистское увлечение схемами и конструкциями). См.: Андреева И. С., Федорова Л. В. Постмодернизм: за и против // На путях постмодернизма. М., 1995. С. 4–5.

⁴ Hey B. Women's History und Poststrukturalismus. Zum Wandel der Frauen- und Geschlechtergeschichte in den USA. Pfannenweiler, 1995. S. 17–2.

на окончательность и единственность) того или иного социального феномена¹. Материнство как нельзя лучше подходило для этих опытов.

Ведущие французские постмодернисты и постструктуралисты – Ж. Дерида, Ж. Ф. Лиотар, Ж. Делез, вооружив историков и вообще всех гуманитариев (психологов, социологов, педагогов) методом движения от текста к контексту, от анализа нарратива – к интертекстуальности, *диалогу* с текстом, заставили искать и видеть не «вертикаль ценностей» человека любой эпохи, не их «лестницу», не иерархию – а их «горизонталь»². Так появился термин – «горизонтальная культура», которая содержит, «обслуживает» и обсуждает все, относящееся к человеку, решительно отрицая какие-либо запретные темы (сексизм, сексуальные домогательства, боль, насилие, самоубийства, смерть).

Как повлияло появление этих новых идей и концепций на исследование материнства философами и психологами? Вышеупомянутые Ж. Дерида, Ж. Ф. Лиотар, Ж. Делез заставили своих коллег по-новому заинтересоваться, во-первых, субъективностью, саморефлексиями индивида (а феминисты немедленно расширили эту задачу анализом саморефлексий индивида, родившего себе подобного). Во-вторых, они остро поставили проблему представления (репрезентации) и тождественности (идентичности) личности (и феминистки откликнулись волной работ, отвечающих на вопрос «я ли это?», «кто я?», в которых заметное место уделялось именно материнской идентичности)³. В-третьих, следствием постмодернистских влияний на исторические науки является и возобновленный интерес к диаде частного (приватного) и общественного (публичного): но если в 70-е годы «частная сфера» изучалась прежде всего как «женская», а, соответственно, «публичная» – как «мужская», то теперь это противопоставление снято и обе сферы рассматриваются в рамках (фреймах) интеракционистского взаимодействия⁴. В-четвертых, не без влияния постмодернизма произошел и лингвистический поворот, резко выросло внимание к анализу содержания понятий и категорий, появилась удобная дефиниция «практик речевого поведения» или *дискурсов*⁵ (и исследователи материнства 90-х гг. немедленно заговорили о различиях дискурсивных полей материнства доиндустриальной, индустриальной и постиндустриальной эпох, об особенностях так называемого *женского письма* – *écriture féminine*⁶). И последнее, пятое.

---

¹ Как на место *структурализма* пришел *постструктурализм*, так на место *реализма* в философских концепциях пришел *релятивизм* (зачастую являющий вакуум не только веры, но и уверенности). При всех негативных его сторонах, релятивизм утвердил во всей западной философии приемлемость *культуры многообразия*. (Гулыга А. В. Что такое постсовременность? // Вопросы философии. 1988. № 12. С. 153–159). Условно говоря, в отличие от Лютера, утверждавшего в XVI в. «Я здесь стою и не могу иначе», постмодернист бы заявил: «Я здесь стою и могу, как угодно».

² «Горизонтальную культуру» Ж. Ф. Лиотар сравнил с супермаркетом, где одновременно можно купить и Библию, и презервативы. См.: *Лиотар Ж. Ф.* Заметка о смысле «пост» // Иностранная литература. 1994. № 1. С. 56–59.

³ *Riley D.* «Am I That Name?». P. 18–44.

⁴ *Pomata G.* Partikulargeschichte und Universalgeschichte. Bemerkungen zu einigen Handbuehern der Frauengeschichte // L'Homme. Zeitschrift fuer feministische geschichtswissenschaft. 2 Jg. 1991. Hf. 1. S. 5–44.

⁵ Среди ранних работ, упоминавших о различиях материнского дискурса разных эпох, см.: *Martin B.* Weiblichkeit als kulturelle Konstruktion // Das Argument. 1983. V. 138. S. 210–216.

⁶ *Irigaray L.* Spiegel des anderen Geschlechts. Frankfurt am Main, 1979. S. 211–224.

Благодаря деконструктивистскому методу, введенному когда-то лидером этнометодологического направления Г. Гарфинкелем и взятому на вооружение феминистками К. Уэст и Д. Циммерман¹, в изучении материнства поставлена задача изучения того, как происходит *приписывание*, категоризация, распределение семейных и родительских ролей по признаку пола (причем историки подходят к этой задаче с учетом эволюции общественного сознания и культур), размышляя, каким образом в семье и семейном воспитании воссоздается «мужское» и «женское» как неравное.

Зачем историкам философско-социологические и психологические концепции?

Интерес к истории материнства рожден появлением на рубеже 70–80-х гг. новой научной дисциплины – исторической феминологии (в западной научном дискурсе – *women's studies in history*). Новые подходы к философскому и социопсихологическому анализу материнства, которые демонстрируют феминистки в эпоху постструктурализма и постмодерна позволяют историкам-феминологам ставить и многие другие важные вопросы, «выходящие» далеко за пределы темы и являющиеся серьезным шагом на пути изучения проблем общественных умонастроеваний. Достаточно указать, например, на анализ проблем так называемой «второй» или «искусственной реальности», поставленных – касательно материнства – германской деконструктивисткой К. Браун. Речь идет о существовании и моделировании идеологически приемлемого образа матери («искусственной матери» – *kuenstliche Mutter*), который базируется на информации о некой «усредненной», «абстрактной» матери, а последняя – в свою очередь – не что иное как обобщение опыта конкретных отдельных матерей, их повседневных практик².

Другой пример – рассмотрение феномена материнства как «антагониста», как «противопонятия» феномена женской эмансипации. Тенденция к этому обнаружилась едва ли не в середине прошлого века, когда радикализму женщин, борющихся за свое равноправие, противопоставлялся образ «доброй матери». В современную эпоху требуется, как показывают работы Т. Воббе, многоуровневый анализ этих условных «антагонизмов»³, «встраивание» образа матери в новую женскую идентичность рубежа тысячелетий, рассмотрение материнства не только как социального феномена, но и как идеологемы, которую время от времени «подправляли» те, «кому это было выгодно».

Однако в целом, подводя итоги, нельзя не признать, что общей чертой психологических, философских и социологических концепций, связанных с пониманием материнства, материнской любви и заботы и выдвинутых на Западе в 1950–1990-х гг., было и остается довольно поверхностное отношение к исторической предистории интересующего нас сюжета. Некоторые исследователи предпочитают честно отмежеваться от идеи рассмотрения материнства с позиций историзма и социально-исторического (этнического, конфессионального) детерминизма,

---

¹ *Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. New Jersey, 1967; Уэст К. и Циммерман Д. Создание гендера // Труды СПбФ Института социологии РАН. Гендерные Тетради. Вып. 1. СПб., 1997.*

² *Braun Ch. Nicht ich – ich nicht. Logik, Luege, Libido. Frankfurt am Main, 1985.*

³ *Wobbe T. Gleichheit und Differenz. Politische Strategien von Frauenrechtlinien um die Jahrhundertwende. Frankfurt am Main; N. Y., 1989.*

полагая, что это не входит в их задачи¹. Подобная «цеховая ограниченность» заставляла историков и этнографов работать все эти годы в некоем «параллельном режиме», собирая главным образом мозаику фактов и редко, робко соотнося их с новомодными концептами. Все, таким образом, работали, «как было принято» и редко выходили за пределы заданной системы. Современная интеграция гуманитарного знания ломает сложившиеся стереотипы. Она заставляет признать, что многие из эпистемологических построений философов, социологов и психологов, касающиеся материнства, весьма интересны историку при интерпретации информации, получаемой им при чтении свидетельств давно минувших эпох.

Библиография

1. *Balint A.* Love for Mother and Mother Love // Balint M. (ed.) Primary Love and Psycho-Analytic Technique. New York, 1965. P. 91–108.
2. *Benedek T.* Psycho biological Aspekts of Mothering // American Journal of Orthopsychiatry. 1956. V. 26. P. 272–278.
3. *Benedek T.* Psychoanalytic Implications of the Primary Unit, Mother-Child // American Journal of Orthopsychiatry. 1949. V. 19. №. 4. P. 642–654.
4. *Birlingham D.* Empath Between Infant and Mother // Journal of American Psychoanalytic Association. 1967. V. 15. P. 764–780.
5. *Chodorow N.* The Reproduction of Mothering. Psychoanalysis and Sociology of Gender. Berkeley-LA., 1978. P. 222 (сноски 7–8).
6. *Deutch H.* The Psychology of Woman in Relation to the Functions of Reproduction // Fliess R. (ed.) The Psychoanalytic Reader: an Anthology of Essential Papers with Critical Introductions. N. Y., 1969. P. 165–179.
7. *Hammer S.* Daughters and Mothers, Mothers and Daughters. N. Y., 1975 etc.
8. *Hirsh M.* The Mother / Daughter Plot: Narrative, Psychoanalysis, Feminism. Bloomington, 1989.
9. *Kestenberg J.* On the Development of the Maternal Feelings in Early Childhood: Observation and Reflections // Psychoanalytic Study of the Child. 1956. V. 11. P. 257–291.
10. *Kristeva J.* Stabat Mater // Suleiman S. R. (ed.) The Female Body in Western Culture. Cambridge, 1986. P. 112–113.
11. *Rohde-Dachser C.* Expedition in den dunklen Kontinent: Weiblichkeit im Diskurs der Psychoanalyse. B.-Heidelberg – N. Y., 1991.

N. L. Pushkareva

MOTHERHOOD AS A SOCIO-BIOLOGICAL PHENOMENA: PSYCHOLOGY, PHILOSOPHY, HISTORY

The article describes the phenomenon of motherhood in contemporary philosophical, sociological, psychoanalytic concepts. Considering motherhood as sociobiological phenomenon, the author underlines the importance this kind of research for historians in the study of public mentality, considering motherhood not only as a social phenomenon, but also as an ideologeme given the developments in social consciousness and culture.

Keywords: motherhood, feminism, psychoanalysis, biological determinism, essentialism, social constructivism, the concept of gender, maternal identity.

---

¹ Например, Н. Чодоров в заключении книги честно призналась, что ее исследования часто именуют «неисторичными», поскольку «социально-половая система является постоянно изменчивым образованием». Но она умышленно оставила исследование этих изменений на долю тех, кто продолжит начатое ею (Chodorov N. Op. cit. P. 215).